

Прошло около получаса, дождь постепенно стих и вскоре вовсе перестал капать. Она ушла, оставив горам влажность, а Юй Чэньиню — холод. Его тело мелко дрожало, но под промокшей одеждой это было почти незаметно. Дрожь пробежала по рукам и замирала где-то в районе позвоночника. Он опустил голову, пытаясь потереться щекой о плечо, но маска мешала почувствовать тепло, передавая лишь жесткую, мертвую фактуру металла. Никакой мягкости, никакой нежности — только привычный холод бронзы.

Заметив краем глаза, что шляпа на голове лошади съехала набок, Юй Чэньинь поправил её и тихо произнёс:

— Я продрог. Можно ли развести огонь, чтобы просушить одежду, прежде чем мы двинемся дальше?

Хэлянь Хуайюй остановился и огляделся. Вокруг лишь острые, нагроможденные друг на друга камни. Не найдя подходящего места для привала, он снял с головы лошади шляпу и бросил её Яо Гукую:

— Придержи.

Сразу после этого он вскочил в седло и, натянув поводья, пустил коня в галоп.

— Здесь неудобно останавливаться, найдём пещеру и там разведем огонь, — голос Хэлянь Хуайюя звучал до странности спокойно, словно он не чувствовал, как к его груди прижимается Лекарственный человек. Словно не ощущал сквозь промокшие ткани тепла чужого тела. Он отчаянно пытался обмануть самого себя.

Он сильнее натянул поводья и хлестнул коня, заставляя того скакать ещё быстрее. Юй Чэньиню пришлось крепче вцепиться в его одежду:

— Слишком быстро.

Ветер пронёсся мимо ушей, и голос Юй Чэньиня прозвучал так, будто он был рождён самим этим ветром. Ветер, вобравший в себя дыхание севера и юга, запада и востока, стал в его ушах тихим и нежным, выдохнув короткое: — Слишком быстро.

Не так уж и быстро. Если бы это было по-настоящему быстро, его тело летело бы вперёд, а сердце осталось бы где-то на обочине. Тело, лишённое чувств, не хранило бы в себе остатки тепла, как сейчас.

Хэлянь Хуайюй внезапно ощутил нечто похожее на робость человека, возвращающегося в родные края. И хотя здесь не было его дома, слабое тепло тела, прижатого к нему сквозь прослойку ткани, заставляло его пугаться собственных чувств. Ему оставалось лишь стегать коня, заставляя его мчаться быстрее, чтобы скорость и яростный ветер заглушили это непонятное, пугающее смутение.

Он не осознавал, что сдаёт позиции. А может, осознавал, но не хотел разбираться, намеренно

притворяясь глупцом. В конце концов, так было лучше для всех.

Неизвестно, сколько прошло времени, начало смеркаться. Хэлянь Хуайюй заметил неподалёку пещеру, где можно было переждать ночь. Он натянул поводья, останавливая коня, и поспешно спрыгнул на землю, почти демонстративно избегая смотреть на Юй Чэньиня:

— Приехали. Переночуем в той пещере. Гукуй, привяжи лошадь здесь, возьми сумки и иди следом.

Хэлянь Хуайюй подхватил свой узел и зашагал вперёд. Яо Гукуй окликнул его:

— А как же Лекарственный человек?

— Привяжешь лошадь и приведёшь его. Я пойду осмотрюсь.

Яо Гукуй быстро привязал коня и подошёл к Юй Чэньиню, слегка краснея:

— Тот... эм... тебе помочь?

Юй Чэньинь покачал головой и самостоятельно спешился.

Привязав вороного коня Хэлянь Хуайюй, Яо Гукуй в растерянности замер рядом. Ему хотелось завязать разговор с Лекарственным человеком, но он не знал, с чего начать. Помявшись, он наконец выдавил:

— Привет. Тот... я Яо Гукуй. Гу — как просо, Куй — как в слове «могучий».

— Здравствуй, — ответил Юй Чэньинь, и на этом разговор иссяк.

Яо Гукуй густо покраснел. Всю оставшуюся дорогу они молчали. У входа в пещеру они увидели Хэлянь Хуайюя — он расчищал завал. Оказалось, вход был завален камнями. Один из них сорвался и чуть не угодил Юй Чэньиню по ноге.

Хэлянь Хуайюй бросил рукоять меча и бросился к нему. Он присел на корточки и осторожно ощупал обувь Юй Чэньиня. Убедившись, что тот не вскрикнул от боли, он с облегчением выдохнул.

Юй Чэньинь нахмурился и отступил на два шага — движения Хэлянь Хуайюя были настолько стремительными, что он даже не успел среагировать.

Расчистка пещеры требовала времени. Хэлянь Хуайюй взглянул на Яо Гукуя:

— Здесь опасно. Отведи его куда-нибудь в другое место, разведи огонь и согрейся.

— Хорошо! — ответил Яо Гукуй слишком быстро и громко, а потом, спохватившись, добавил: — Действительно, слишком опасно, камни могут обвалиться. Я поищу ровную площадку.

Он посмотрел на Юй Чэньиня, и тот равнодушно кивнул.

После всей этой суматохи окончательно стемнело. Ночь была прохладной, как вино. Тишина скрывала в себе тонкую, едва уловимую прохладу.

Идти в темноте было трудно. Юй Чэньинь недавно оступился, и хотя ничего серьёзного не случилось, боль всё ещё давала о себе знать, поэтому он не стал отказываться от помощи Яо Гукуя.

Яо Гукуй нёс Юй Чэньиня на руках через лесную чащу. Звук их шагов, приминающих траву и влажную землю, в ночной тишине казался куда отчетливее, чем днём. Где-то стрекотали насекомые — то ли совсем близко, то ли где-то в бесконечной дали.

Юй Чэньинь поднял голову и увидел крошечные искры звёзд. Их было так много, что ему почудилось: на небосводе вовсе не далекие светила, а лишь горсть соли, рассыпанная кем-то невидимым.

Но у соли нет света, а у звёзд он есть. Ночь — это небесная грязь, а звёзды — бесприютная ряска на воде. У них нет воды, поэтому они не могут сдвинуться с места.

Прошли века, сменились эпохи, поколения людей рождались и умирали, превращаясь в прах. Династии рушатся, мир меняется, и лишь они остаются неизменными — вечно висящие в вышине, вечно отстранённые. Им нет дела до людских горестей и радостей, они даже не хотят склониться, чтобы взглянуть на взлёты и падения человечества.

Сколько бы люди ни твердили о своей любви к ним, звёзды никогда не ответят взаимностью.

Лишь единственная звезда, ответив на зов, сорвётся с небосвода. Не успев задержаться в мире людей, она в мгновение ока рухнет на землю. Яркий белый свет, с которым она стораец в небе — единственное свидетельство её ответа.

Но когда она падает, разбиваясь вдребезги, и свет угасает, люди перестают о ней вспоминать. Они лишь тихо вздыхают, словно из жалости, не в силах смотреть на то, что осталось.

<http://bllate.org/book/18606/1791626>